

НЕЗАВИСИМАЯ

27.08.2009 [Сергей Элькин](#)

Дмитрий Хворостовский: "Легче спеть самому"



В августе на музыкальном фестивале в Равинии (Иллинойс, США) состоялись два выступления Дмитрия Хворостовского: концертное исполнение оперы Верди «Риголетто» и сольный концерт русской камерной музыки. В беседе с корреспондентом «НГ» певец рассказывает об опере, кино, Анне Нетребко, американских контрактах.

– Дмитрий, почему Риголетто?

– Дело в том, что в этом и следующих сезонах я пою в нескольких постановках этой оперы Верди, а до этого я не пел Риголетто больше четырех лет. Надо готовиться! Для меня выступление в Равинии – это очередная проверка моих возможностей.

– В одном из интервью вы назвали партию Риголетто самой трудной с эмоциональной и технической точек зрения...

– Даже по объему пения Риголетто – одна из самых больших вердиевских партий. Помимо драматических в опере есть масса лирических моментов, которые нужно петь в высокой тесситуре, а это технически очень сложно для любого баритона. Не исключены физические повреждения голосовых связок.

– Вы себя комфортно чувствуете в концертных исполнениях?

– Я себя комфортно чувствую во всех исполнениях: концертных, оперных, камерных.

– Исполняя русскую камерную музыку в Америке, вы выступаете в роли посланника великой русской культуры...

– В моих программах всегда присутствует русская музыка. Русская музыка – основа моего репертуара, это то, что у меня получается лучше всего. Все мои главные победы связаны с русской музыкой.

– Вы волнуетесь перед выступлениями?

– Для меня гораздо волнительнее собственных выступлений мастер-класс, который я провожу в Равинии. Я не часто этим занимаюсь. Мастер-класс – вот это настоящее испытание. Легче спеть самому. (Смеется.)

– Вы довольно требовательно подходите к репертуару, от многих партий отказывались годами. Долгие годы не пели графа Ди Луну, Ринато, Симона Бокканегру...

– Я не мог обратиться к этим партиям двадцать лет назад, я не был готов к ним технически. Надо было ждать и набираться опыта.

– Есть ли какие-либо партии, от которых вы откажетесь сегодня, но хотите петь в будущем?

– За исключением Сильвио я никогда не пел в веристских операх. Я не считаю, что веризм – мой «конек». Сейчас я раздумываю, петь ли мне Скарпиа в «Тоске» Пуччини.

– Веристов вы недолюбливаете?

– Не то что недолюблю. Просто мне кажется, что веризм – это во многом соревнование с оркестром. Большой объем звучащих инструментов, как правило, провоцирует и несколько форсирует голос. Вот этого я боюсь.

– Вы ощущаете конкуренцию среди певцов?

– На оперном олимпе места хватает всем. Я с певцами не конкурирую, я их уважаю. Во многом примером для меня является Том Хэмпсон. Талантливый, умный, интеллектуальный, он подходит к своим ролям и своим программам очень интересно и поет «от головы».

– Большой международный резонанс получил ваш совместный вечер с Анной Нетребко в Мюнхене. В какой она творческой форме?

– Она в потрясающей форме. Энергичная, веселая, непосредственная, иногда непредсказуемая... В Мюнхене рядом с ней были муж Эрвин и Тьяго... Тиша...

– Тиша – это по-русски?

– Его зовут Тьяго Аура... Она настолько влюблена в своего мужа, что ребенка решила назвать так, как он хотел... Бедный мальчик... (Смеется.) А по-русски мы зовем его Тишей. Анечка безумно популярна в Германии, в Америке. У нее масса поклонников, которые таскаются за ней днями и ночами. Она без конца в движении, у нее масса разных проектов. Я преклоняюсь перед ее стойкостью и энергией. Она успевает все!

– Недавно вы вместе с Рене Флеминг выступили в роли гидов по Петербургу. Расскажите, пожалуйста, об этом проекте.

– Мы с Рене Флеминг снимались в Санкт-Петербурге в американо-российском музыкальном фильме. Я не принимал участия в экскурсиях, она этим занималась сама, рассказывала об истории Питера. Рене прекрасно пела, была замечательным гидом, проводила на съемках практически двадцать четыре часа в сутки. Удивительный человек!.. Мы вместе записали разговорную часть, а все остальное время пели шедевры оперной классики и камерную программу русских композиторов. Пели в двух залах Юсуповского дворца и в Петергофе. Картина снята в формате «HD» для телевидения и будет показана прежде всего американской публике. Мне кажется, получился очень красивый фильм.

– Все в предвкушении еще одной премьеры – вашей новой программы с песнями Игоря Крутого. Чем вас привлекли его песни?

– Мне стало несколько скучно в своем амплуа. Песни Крутого всегда отличались своим мелодизмом, но в новой программе он превзошел самого себя. Мелодии разнообразные, написаны в различных стилях популярной музыки, очень выигрышны для голоса и требуют большого вокального диапазона. Я пою на трех языках: итальянском, французском и русском. На протяжении двух лет мы записывали, переписывали, спорили; на протяжении двух лет шел очень интересный творческий процесс. Я ловил себя на мысли, что мне просто не хотелось ничем другим заниматься, кроме как этой музыкой.

– Как отразился экономический кризис на ваших американских контрактах?

– Я не так часто появляюсь в Америке. В оперных театрах пою очень выборочно. В основном в МЕТе, где, в принципе, гонорары чисто символические. Петь в Метрополитен-опере – прежде всего вопрос престижа. Там я пою регулярно и надеюсь, что буду петь до последних дней моей карьеры. В Сан-Франциско и Чикаго появляюсь все реже и реже. Все свои новые программы я показываю в Карнеги-холле. В следующем году в «Радио-сити-мюзик-холле» будет показана программа с Крутым. У меня бывают интересные туры и концерты на музыкальных фестивалях. Фестиваль в Равинии – безусловно, очень интересный, известный и почетный. Участвовать в нем – большая честь.

– Как вам работается с дирижером Джеймсом Конлоном?

– Я его очень люблю. Мне нравятся его энергия, обаяние, знание материала... Он – настоящий оперный дирижер, настоящий лидер. У Джимми хорошая аура, с ним комфортно петь. Мы с ним достаточно давно друг друга знаем. Джимми хочет, чтобы я приехал в Лос-Анджелес. Может быть, «Риголетто» в Равинии станет первым шагом на этом пути.

– Что если вам каждый год говорить Конлону о своих новых идеях и претворять их в жизнь в Равинии? Пусть это станет доброй традицией. Как вы думаете?

– Это хорошая идея. (Смеется.) Я очень бы хотел вернуться в Равинию. Еще я бы хотел спеть в Лирик-опере Чикаго в большом сольном концерте. Я знаю, что переговоры ведутся. Возможно, в скором времени такой концерт состоится.

– До обидного мало звучит русская опера в Чикаго! В прошлый раз вы говорили мне о своей мечте спеть Бориса Годунова. Может быть, Чикагский симфонический, Джеймс Конлон, Лирик-опера, Равиния – это те люди и те места, с кем и где можно попробовать?

– Вы озвучили идею, которая у нас зреет уже давно. Мы говорили с Джимми Конлоном по поводу «Бориса Годунова». Почему бы и нет? Тем более что Джимми прекрасно знает эту оперу. Это было бы очень интересно. К тому же нельзя не учитывать, что на данный момент в оперном мире имеется огромное количество русских певцов, которые поют на очень высоком уровне. Чтобы собрать русский спектакль, сил будет достаточно.